

ЧАС АДА

МАРК КЛЭПХЭМ

WARHAMMER
40,000

Данный материал является интеллектуальной собственностью

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны

указать источник перевода

Переводчик – Евгений Козлочков

Редакторы – Sperry UNIVAC, Вова Моль, Еретик

ЧАС АДА МАРК КЛЭПХЭМ

В Служении и Страдании.

***Отчет о Перикловом Крестовом Походе и других кампаниях славного
39-го Кадианского...***

Если Периклов Крестовый Поход стал для 39-го Кадианского величайшей сагой, на протяжении многих лет состоявшей из серий блистательных побед, то Келторн оказался короткой и кровавой одой. Эта кампания стала доказательством того, что любой воин, независимо от успехов его прошлых битв, в конечном счете столкнется с врагом, который накажет его за высокое самомнение, а может и вовсе уничтожить.

На этой планете-крепости мы обнаружили население, впавшее в самую гнусную ересь. По завершению кампании нас просили не распространяться об этом. Подробности я предпочту не вспоминать, не говоря уже о том, чтобы заключить их в пергамент.

Я не хочу писать об ужасах. Я напишу о подвигах и доблести рядовых гвардейцев, с которыми мне выпала честь служить, и офицеров, под началом которых они служили.

Периклов Крестовый Поход состоял из изнурительных и тяжелых сражений, но именно битва на Келторне оставила в моей памяти наибольший отпечаток. Я вспоминаю о том, как гвардейцы 39-го полка

противостояли ужасу – и для многих эти последние мгновения стали последними.

Мы одержали победу и наш полк продолжил сражаться, но 39-й понёс ужасающие потери. Именно из таких трагедий и рождаются мифы. Мы высадились на Келторне под командованием человека, что стоял в шаге от превращения в легенду. Боевая слава предсказывала ему стать легендарным, по крайней мере, среди кадианских военачальников. Кастелян Блаков привел нас к победе в Перикловом Крестовом Походе и он же сыграл ключевую роль в короткие и ужасающие часы битвы за Феллгард. Блаков, несомненно, займет достойное место в истории нашего полка, и, возможно, в истории самой Кадии.

Достижения сделали его героем, достойным памяти, или же повлияли на него негативно? Даже в первые часы осады Феллгарда – до того, как наступил период, названный впоследствии «Час Ада» – некоторые из нас сомневались...

– Я слышал, что кадианцы были великими бойцами! – прокричал комиссар Чавария в вокс-бусину своего запотевшего противогоза. *– Но вижу никчемных щенков, готовых умереть в грязи! Вставайте и атакуйте, мерзавцы! Следуйте за своим кастеляном или же позорьте своих мертвых предков и дальше!*

Чавария не знал, слышат ли бойцы его слова за грохотом детонации снарядов, которые перепаживали землю вокруг. Попадания артиллерии вспенивали грязь и разрывали на части любого, кто оказывался поблизости. Бастион внутренней стены изливал на кадианцев смертоносный дождь со своих огневых точек и бойниц на парапете, и пространство между внешней и

внутренней стеной Феллгарда представляло собой смертельно опасное поле, покрытое ядовитыми газами и засеянное минами. Его прорезали глубокие и заполненные водой траншеи, в которые мог упасть нерасторопный солдат.

Они оставались живыми по прошествии пяти или шести минут атаки, и это являлось настоящим чудом, но бойцам необходимо было продержаться гораздо дольше. Чавария знал, что мужчины и женщины, за моральный дух которых он отвечал, обязаны поспевать за бегущим впереди кастеляном Блаковым – легендарным командиром 39-го Каданского полка, который, по мнению комиссара, представлял опасность как для врагов, так и союзников.

Блаков был хищником, и единственное безопасное место на поле боя находилось именно за его спиной.

Чавария кричал до хрипоты, стараясь не высовываться, когда раскаленные добела стрелы лазерных выстрелов рассекали воздух над головой. Вокруг падали снаряды и он подбадривал каданцев, пробиваясь сквозь опустившийся на поле боя дым. Комиссар всеми силами стремился выжить, особенно когда его сапоги предательски погружались в грязь и замедляли движения, а трупы в этой самой грязи угрожали сбить с ног.

Тяжелые болты рвали грязную землю вокруг и уничтожали каданцев, пока гвардейцы 39-го пересекали поле между благословенной Стеной Мучеников и бастионом «Бета-3». Чавария держался как можно ближе к Блакову. Он не отставал от командира, бросаясь вперед с лейтенантами, и призывал окружающих следовать за кастеляном.

Остаться позади Блакова – наилучший шанс выжить. Чавария предпочитал растягивать свое изнуряющее человеческое существование, а не превратиться в кровавые ошметки от залпов тяжелого оружия, ревавшего из бойниц «Беты-3».

Бастион представлял собой квадратную глыбу из рокрита и металла с неровными краями на крыше. Он возвышался на холме впереди, словно почерневший коренной зуб на фоне ясного белого неба. Темная масса сверкала вспышками оружия из бойниц и с парапета, усеянного зубцами.

Блаков бежал к бастиону. Его дар инстинктивного уклонения от неизбежной гибели не был осторожностью или же трусостью. Отнюдь, кастелян сломя голову бросался навстречу опасности и чудом ее избегал.

Блаков прижался к стене бастиона. Крупный даже для кадианца, с коротко стриженными черными волосами, пронзительным взглядом и мечом на поясе, он вытащил гранату и, уклонившись от огня сверху, бросил ее в бойницу. Еще до того, как она взорвалась, кастелян уже начал выкрикивать приказы остаткам восьмого отделения. Гвардейцу с огнеметом надлежало залить форт огнем, а другому – взорвать двери мелта-бомбой.

Чавария карабкался вверх по склону холма и добрался до входа в форт. Он подбежал в тот момент, когда Блаков пинком распахнул остатки дверей и ворвался внутрь. Комиссар последовал внутрь и увидел, как кастелян закружился в дуэли с отвратительным, покрытым струпами мутантом–предателем.

Болезнь еретика действовала, словно защитная оболочка, и Блаков метался вокруг твари, пытаясь своим мечом отыскать слабое место в ее панцире. Для Чаварии, которому удалось поучаствовать в нескольких дуэлях, стиль боя Блакова казался ущербным – зрелищным, напыщенным, но оставляющим множество возможностей для контратаки. Комиссар пришел к такому умозаключению, пока кастелян кружился вокруг еретика и наносил удар за ударом.

Чавария не увидел особого потенциала в фехтовальной технике Блакова и насторожился, ожидая, что бронированный монстр пробьет защиту и нанесет кастеляну смертельный удар.

Впрочем, роковой удар так и не последовал. Блаков подпрыгивал и извивался, а предатель, замедленный мутациями и израненный своими же бронированными струпьями, неуклюже кружился на месте. Панцирь делал его почти неуязвимым, но еретик был не в силах поспеть за атаками кадианца. Кастелян уклонялся и снова наносил по существу удар за ударом. Они высекали искры каждый раз, когда клинок касался брони твари, но, наконец, меч попал в слабое место.

Монстр вздрогнул от боли.

Обнаружив брешь, Блаков извернулся под невероятным углом, протолкнул клинок снизу вверх через рану и вонзил в мягкие внутренние органы существа.

Командир-предатель, эта масса бронированных струпьев, умер мгновенно – вероятно, он получил смертельный укол прямым в сердце. Блаков вытащил меч из раны – лезвие покрывали мерзкие черные пятна. Существо упало на пол с глухим стуком.

Чавария чувствовал, когда за ним наблюдают другие. Волосы на затылке под жестким воротником встали дыбом. Он обернулся и увидел, что на него смотрит лейтенант Роул.

Комиссар слегка повернул голову и отдал лейтенанту неофициальный салют. Он быстро наклонился вперед и постучал по козырьку фуражки двумя сомкнутыми пальцами. Знак уважения и признания достоинств – комиссары стояли вне общей командной цепочки Гвардии и для всякого, кто дослужился до звания меньше полковника, этот знак был большой честью.

Лейтенант Роул с её жесткими седыми волосами и светящимися искусственными глазами за толстыми стеклами очков, была старше Блакова на десятки лет. Она осторожно улыбнулась комиссару в ответ, признавая оказанное ей уважение. Улыбнулась сдержанно, давая понять, что не до конца согласна с оценкой Чаварии.

Люди, подобные Блакову, рассматривали звание лейтенанта в качестве проходной ступени к высокому положению и принимали, словно утомительную формальность. Чавария видел досье кастеляна и знал, что тот находился в звании лейтенанта пять месяцев, прежде чем заслужил повышение. Но для гвардейцев, подобных лейтенанту Роул, было призванием служить правой рукой старшего офицера и быть проводником между стратегическим руководством и солдатами.

Несколько десятилетий назад Роул дослужилась до звания лейтенанта и на этом ее восхождение по карьерной лестнице закончилось. Она не стремилась к славе или повышению, никогда не избегала своих обязанностей и преданно служила трем старшим офицерам. Блаков – человек, который был младше ее на несколько десятилетий – был в этом коротком списке последним. Она помогала гвардейцам 39-го полка, будь то высшие или низшие чины, добиться славы и почестей, и никогда не присваивала их себе.

Многие из этих почестей были посмертными, а вот лейтенант все еще была жива. Осторожность, которую нельзя было не спутать с трусостью, наводила на мысль о куда более развитом стратегическом мышлении, нежели у большинства командиров Роул, формально занимающих более высокое положение в иерархии полка.

Офицер осторожно приняла знак уважения от Чаварии. Она была достаточно проницательной – лейтенант не желала дальнейшего продвижения по службе, но комиссар иначе относился к карьерному росту. Если Блаков падет, сраженный врагом (либо комиссаром, как подозреваемый в измене), то Чавария получит должность кастеляна и возглавит 39-й полк. Несмотря на все заслуги Блакова, это случится еще до того, как его тело остынет.

Чавария пытался показать мимикой, что не собирается принимать поспешных решений. Лицо Роул оставалось бесстрастным под толстыми

очками, которые удерживали ее аугметические глаза, но она поняла комиссара.

Сейчас они оба держались поблизости с кастеляном.

Роул, как лейтенант Блакова, мгновенно включилась в работу по расчистке бастиона и размещению гвардейцев по огневым точкам. Каданцы не желали становиться на позиции предателей даже после того, как тела еретиков уничтожили – густой запах прометия не мог полностью заглушить зловоние разложения.

Бастион был двухъярусным – наверху располагалась открытая площадка с парапетом, усеянным зубцами. Грубая рокристовая лестница вела из помещения с высоким потолком к огневым позициям наверху.

– Девятое отделение, на крышу, – приказала лейтенант. – Вурч, как только закончишь с благословениями, присоединяйся к ним!

Полковой священник отдал честь и продолжил окроплять святой водой пушки, которыми ранее управляли еретики. Роул не задумывалась, имеет ли это какое-либо значение, но она точно знала, что солдаты будут чувствовать себя лучше, занимая позиции мертвых еретиков, если Вурч произнесет над ними молитву.

– Восьмое отделение, займите позицию здесь. Я хочу, чтобы эти орудия были готовы к бою, как только Вурч закончит работу.

Послышался согласный ропот. Роул огляделась, чтобы убедиться, что все находятся там, где им и положено быть, и снова встретила глазами с Чаварией.

Лейтенант Роул не предполагала, что из множества проблем, связанных с комиссарами, ей достанется чрезмерное уважение. Сотрудники

Комиссариата в основном были жесткими, безжалостными личностями и настоящим бичом рядовых гвардейцев. Дабы вселить в солдат ужас, они без сомнений применяли пистолет и плеть.

Чавария раздражал по иным причинам. Он опровергал каждый дюйм опыта Роул, приобретённый за всю ее долгую карьеру в армии, и давал пищу для размышлений.

Оказалось, что после стольких лет службы ее все еще можно было удивить.

Комиссар Чавария был суровым человеком и вполне мог обеспечить дисциплину, когда это было необходимо. Черные, словно булавки, глаза выделялись на оливковой коже лица, а воротник черного пальто был поднят так, что почти касался полей фуражки. Он без усилий наводил ужас на младших офицеров и солдат, и они помнили, что для этого страха имеются основания. Хватало одного лишь взгляда орлиных глаз, и гвардеец тут же вспоминал, скольких трусов и негодяев казнил комиссар. Если требовалось предотвратить массовое бегство с поля боя, то Чавария без раздумий решал эту проблему одним выстрелом в затылок.

Со временем Роул заметила, что Чавария предпочитает угрожать насилием, а не бездумно расстреливать солдат. Вместо того он чаще старался сохранить им жизнь, а не загонять своими приказами гвардейцев на верную смерть.

Комиссар сделал это и сегодня, вопя на солдат, когда они атаковали «Бету-3» в лоб. Роул не сомневалась, что многие гвардейцы погибли бы от вражеского огня на нейтральной полосе, но угрозы и оскорбления Чаварии заставили их двигаться дальше и занять позиции вокруг бастиона.

Каданцы взяли форт и робкое чувство победы разлилось по рядам солдат. Оно лишь усилилось, когда первые волны контратакующих культистов, пытающихся отбить бастион, были безжалостно уничтожены.

Тяжелые орудия ревели, разрывая еретиков на куски, прежде чем те успевали приблизиться. Каданцы заняли возвышенность и Блаков оказался в своей стихии: он заглядывал в бойницы и раздавал приказы гвардейцам.

Несмотря на это победоносное настроение, каждый раз, когда Роул встречалась взглядом с Чаварией, она замечала, что у них обоих закрались сомнения относительно того, какую цену заплатил Блаков за взятие бастиона. На поле боя перед фортом осталось слишком много погибших солдат, а оставшая часть Феллгарда все еще оставалась в руках врага.

Роул знала, что Чавария может отстранить Блакова от командования, если сочтет нужным, и поставить ее во главе полка. Лейтенант не хотела этого повышения, но у неё не останется выбора, если Блаков умрет или же будет смещен с должности. Ее преданность службе, своему полку и Императору потребует, чтобы она приняла командование.

Из-за этой же самой преданности она задыхалась лишь от одной только мысли о таком повороте событий. Блаков, какими бы недостатками он не обладал, оставался ее командиром и она будет служить ему столь же преданно, как и старшим офицерам, что занимали этот пост до него.

Роул отвлекли от размышлений насущные проблемы, когда волна энергии ударила в бастион, сопровождаемая ропотом гвардейцев. Воздух вспорол одно—единственное слово, объясняющее причину возникновения этой энергии...

– Псайкер!

Из центра нижнего уровня, откуда Роул руководила обороной, было трудно что-либо разглядеть сквозь бойницы. Она едва могла понять, что происходит, когда колдун атаковал, но лейтенант, как и любой каданец, чувствовала, что форт разрушается под воздействием магии.

Ей удалось мельком разглядеть колдуна через одну из бойниц – светящийся силуэт, облепленный мухами, что роились вокруг. Еретик

выпустил новый заряд колдовского огня из своего посоха. Пламя лизнуло защитников и люди стали заживо разлагаться, а стены покрылись трещинами и посыпались на головы кадианцев. Лейтенант видела, как гвардейцы рядом с бойницами забились в агонии, когда их плоть почернела и покрылась гнилью. Она приготовилась самолично отдать приказ о тактическом отступлении, но Блаков успел выкрикнуть его первым. Здание, которое всего несколько секунд назад было неприступной крепостью, превратилось в смертельную ловушку.

Как только кадианцы покинули бастион и окружили одетого в обрывки плаща еретика, тот закричал и рухнул на землю. Роул почувствовала облегчение, как и все вокруг – казалось, колдуна уничтожила его собственная сила, отчего он взорвался градом кровавых дымящихся кусков. Но когда эти кипящие человеческие останки коснулись земли, краткому всплеску оптимизма пришел конец...

Там, где куски колдуна упали в грязь, горячая жидкая масса зашевелилась и растянулась, превратив месиво под собой в некую живую субстанцию, из которой начали появляться формы. В этих участках земли было нечто такое, отчего зрение Роул затуманилось. Голова закружилась, словно она смотрела не просто на лужицу, а на бесконечно глубокую яму, уходящую в другую реальность.

Из этих прорех в окровавленной земле начали вырываться когтистые конечности, чьи пораженные болезнью нечеловеческие пальцы сжимали ржавые мечи и другие острые предметы. Скрюченные руки ухватились за твердую почву вокруг кипящих грязевых порталов, чтобы найти опору.

Существа не из этого мира начали проталкивать сквозь них свои тела.

Конечно, до Роул доходили слухи... Шепот под носом комиссаров и священников. Разговоры, которые могли обеспечить визит Инквизиции. Рассказы о существах, которые были не просто ненавистными ксеносами, но

чем-то куда более еретическим. Мерзости из варпа, чистое зло, чудовищно жестокие существа... Монстры, о которых не следовало говорить. Силы, которым поклонялись те, кто отверг свет Императора.

Силы, которые еретики могли призвать в наш мир.

«Демоны». Это было единственное подходящее слово для оживших кошмаров. Лейтенант видела их пожелтевшую кожу, покрытую гноящимися язвами, кишки, что свисали с рассеченной кожи – столь же больной и грязной, как у жертв десятидневной чумы. Они приближались, окруженные черными жирными мухами, пока Роул и остальные кадианцы отступали. Одни молились, а другие застыли от ужаса, в то время как третьи что-то бормотали себе под нос.

Роул почувствовала, что ее рассудок пошатнулся. Эмоциональный порыв заставил лейтенанта упасть на колени перед лицом этого ужаса. Зловоние, исходившее от этих существ, было хуже, чем из старой загноившейся раны и гнуснее, нежели в могильной яме. Демоны окружали солдат, пока новые всё появлялись и появлялись из прорех в реальности. Ямы разрастались в стороны из тех мест, где упала кровь колдуна.

Это было уже слишком.

Небо потемнело и Роул почувствовала, что она – мелкий человек, падающий в какую-то бездонную пропасть. Резко опустилась температура. Седой иней покрыл грязную землю у нее под ногами.

– Взять себя в руки! – кто-то рядом продолжал сопротивляться.

Это был Чавария.

Роул уловила в его голосе нотки страха, но несмотря на это комиссар звучал достаточно уверенно, чтобы вывести ее из оцепенения.

– Это! Ваши! Враги! Встаньте и сражайтесь! Как вы смее бояться их больше, чем Императора?! Он требует, чтобы вы поднялись! Требуется уничтожить эту нечисть!

Чавария обращался не к ней. Он кричал на полкового священника Вурча. Тот стоял на коленях, с трудом пытаясь подняться на ноги, но крики комиссара придавали ему сил.

Роул была рада этим словам. Чавария намеренно выкрикивал их громко, чтобы его слышало как можно большее число кадианцев. Заглуши шок, разожги мотивацию сражаться – и ты сохранишь им жизнь. Демоны роем побежали на солдат – многие гвардейцы открыли огонь, но оборона пребывала в полнейшем беспорядке.

Культисты и предатели показались из западных врат Феллгарда и бункеров, но тут же возопили в ужасе, когда демоны атаковали и их. Твари запрыгивали и карабкались вверх по внутренней стене. Их неземной визг сливался с предсмертными воплями смертных слуг и превращался в инфернальный грохот.

Чернота в небе расплзлась над всем Феллгардом. Оптические искажения в воздухе говорили о том, что прорехи в реальности, через которые демоны проникали в этот мир, были и в самом городе. Очевидно, демоны не жаловали культистов – возможно, глупые люди подвели их, или же они преподносили человеческие жизни в жертву какой-то великой силе?..

Городские постройки объяло пламя. Темные рои насекомых чернели на фоне горящего города, периодически поднимаясь ввысь и спускаясь обратно – вероятно, чтобы поглотить смертных. Далекая башня – выше, чем большинство зданий вокруг нее – начала разваливаться и падать, словно бы поглощенная разложением.

– Отступаем! – приказал Блаков. – Оставить бастион! Мы перегруппируемся у внешней стены. Распределить роты по всему периметру – пусть эти монстры и еретики сражаются друг с другом. Мы нападём, как только они закончат!

– Мы займем бастион и будем прикрывать ваш отход, сэр! – крикнула сержант Янсон из восьмого отделения. При этом она продолжала стрелять в демонов, которые отмахивались от выстрелов, как от мух. Затем сержант повернулась и начала выкрикивать приказы своему отделению.

Блаков отдал честь Янсон, признавая мужество ее решения. Остальные гвардейцы уже начали отступать к внешней стене. Жертва восьмого отделения была необходимой и демонстрировала искреннюю преданность полку. Настоящий героический поступок, который Роул глубоко уважала.

Однако же легкость, с которой Блаков принял эту жертву, произвела на лейтенанта неприятное впечатление.

Гвардейцы начали быстро спускаться с холма, на котором стоял бастион «Бета-3», переступая через тела погибших товарищей. Роул ощутила тошноту при мысли о жизнях, которые были потеряны при взятии форта. Занятую с таким трудом позицию 39-й полк только что отдал врагу...

– Будь готова, – произнес кто-то рядом. Голос прозвучал настолько близко, что она почувствовала дыхание другого человека у своего уха. Роул резко обернулась и увидела, что рядом пробежал Чавария. Он продолжал мотивировать войска двигаться дальше. Громкие выкрики о том, что пистолет комиссара и есть тот самый дьявол, которого они должны бояться, помогали кадианцам принять верное решение.

«Будь готова», – крутилось в мыслях Роул. – «Будь готова...».

Комиссар Чавария и раньше видел, как офицеры падали духом под ударами превосходящих сил противника. Самомнение, которое возникало при вручении им звания, разбивалось суровыми реалиями сражений. Оказавшись в ситуации, к которой их не готовили, эти гнилые яблоки в офицерской форме шли по одному из двух путей: слепли от ярости, либо замыкались в себе.

Первый тип начинал бунтовать против жестокой реальности: кричать, заливаться слезами и скулить. Они обвиняли всех, кроме самих себя, начинали расстреливать своих союзников, пока кто-нибудь – обычно комиссар – не убивал их, дабы предотвратить массовую панику.

Во втором случае офицер мог отрицать реальность или принимать её, но обязательно затихал и становился бесполезным. Выдавливал из себя робкие приказы, либо вообще не ничего не делал. Он начинал сбрасывать с себя полномочия, отступать от обязанностей, отдаляться от командования и заранее придумывал оправдание для неизбежного поражения.

Тихие офицеры были столь же опасны как и те, кто набрасывался на своих подчиненных. Но для труса найти предлог для смещения с поста намного труднее – именно эту категорию офицеров Чавария ненавидел больше всего. Пойди Блаков по этому пути и комиссар будет проклят, если позволит кастеляну спастись и бежать с Келторна, обвиняя в своих неудачах кого-то другого.

– Держись вне пределов их досягаемости, капрал! – крикнула Роул в сторону Туойна, но было слишком поздно. Увенчанный когтем палец оставил кровавый след на лице бойца. В этот момент капрал нажал на спусковой крючок дробовика, выстрелив твари в ее второй тошнотворный рот, что растянулся поперек живота. Демон отлетел назад. Его ужасающее второе лицо превратилось в зияющую кровавую рану, но одного прикосновения твари оказалось достаточно, чтобы глаза Туойна почернели, а инфекция начала распространяться по черепу капрала. Язык распух в горле так сильно, что солдат не мог даже кричать.

– Продолжайте стрелять, но держитесь от них подальше! – вновь напомнила Роул, отступая к внешней стене. Она продолжала вести огонь по демонам, спускающихся к ним с холма. Твари были высокими, неуклюжими существами. Их кости и органы просвечивали сквозь желтую с зеленоватым оттенком кожу: та обвисла на телах и была усеяна розовыми язвами и синюшными ранами. У многих демонов был всего один глаз над полным острых зубов ртом, а из головы торчали черные рога.

Все, к чему прикасались твари, мгновенно начинало разлагаться или заболело.

По приказу Блакова кадианцы предприняли тактическое отступление к внешней стене Феллгарда, но для этого им предстояло вновь пересечь широкий грязный пласт ничейной земли, усеянный ловушками.

И им предстояло сделать это, удерживая демоническую орду на расстоянии...

Роул постоянно смотрела себе под ноги, стараясь не наступить на мину. Когда офицер в очередной раз взглянула вниз, демон бросился на нее, но лейтенант в последний момент успела упасть в сторону. Ржавый меч рассек воздух в том месте, где она только что была. Роул тяжело приземлилась на бок и начала было скидывать собственное оружие, но в этот момент один из ее капралов бросился на помощь, стреляя в демона из лазгана. Тварь отвернулась от женщины и шагнула вперед, воздев меч, чтобы сразиться с новым врагом.

Поднимаясь на ноги, Роул увидела, как демон наступает на мину. Лейтенанта отбросило взрывной волной, а горячие обломки опалили ее лицо. Офицер откатилась в сторону. Рукав шинели загорелся, но мокрая грязь помогла быстро сбить пламя.

Лейтенант с трудом поднялась и осмотрелась. Вместе с демоном погиб и капрал: верхнюю часть его тела разорвало взрывом. Впрочем, время на

сожаления у нее появится позже – хотя вокруг Роул и не осталось врагов, но некоторые отряды, расположенные чуть дальше на поле боя, все еще сражались с тварями. Рядом с собой лейтенант заметила полкового священника Вурча – тот помогал подняться на ноги раненому сержанту.

Кадянцы продолжали отступление к внешней стене. Воздух был наполнен жаром от лазерных выстрелов.

Они были совсем близко.

Внешняя стена, созданная из костей мучеников в святилище Надежды Арабеллы, состояла из двух частей: наружной стены, усеянной зубцами, и невысоких баррикад, обращенных в сторону внутренних фортификаций Феллгарда. Сейчас кадянцы приближались именно к этим небольшим укреплениям. Разместившись на них, 39-й сможет вести огонь по наступающим демонам из укрытий.

Пока Роул бежала, сосредоточившись на том, чтобы не наступить на мину и сохранить как можно больше солдат, она старалась не думать о словах Чаварии.

«Будь готова...».

Быть готовой принять командование, когда Чавария нанесет удар по Блакову.

Даже сейчас, когда ее сомнения относительно кастеляна достигли наивысшей точки, Роул не нравилось, как звучали слова комиссара. Лейтенант отогнала эту мысль прочь. Быть готовой? Она всегда наготове и будет решать проблемы по мере их поступления, но не раньше.

Те самые новые проблемы донеслись до нее в виде отдаленного рева и ужасающего удара по неустойчивой почве под ногами. Источником обоих явлений был Феллгард.

Роул подняла голову и увидела Блакова – старший офицер стоял у внешней стены и смотрел за ее спину с открытым ртом.

Лейтенант никогда еще не видела его столь потрясенным.

Роул обернулась и бросила взгляд на бастион «Бета-3». Восьмое отделение обрушивало огненный шторм на ряды демонов, сдерживая их, пока остальная часть 39-го отступала к стене. Из прорехи в реальности рядом с фортом вырвался гигантский демон, окруженный переливающейся аурой немыслимых цветов. Вот на что пошли души культистов, которых убили демоны...

Они прокладывали путь для этого ужасающего существа.

Даже на расстоянии Роул ощутила тошноту от вида сморщенной, невообразимо больной кожи его раздутого тела, что колыхалась при каждом шаге демона в сторону бастиона. Неестественный вид существа причинял боль искусственным глазам лейтенанта. Эта мерзость восстала против света Императора – огромная масса разлагающейся плоти существовала вопреки законам физики. Даже на фоне inferнального черного неба эта адская тварь казалась нереальной – на него невозможно было долго смотреть. Ужас давно превысил допустимый порог, и тихий голосок внутри Роул вопил, дабы она сдалась и склонилась перед монстром.

Когда гигантский демон приблизился к бастиону и его громадная туша нависла над фортом, меньшие твари двинулись в сторону укреплений, визжа в непонятном поклонении и издавая ужасающий боевой клич в его честь.

Они продержались дольше, чем предполагала сержант Янсон. Тихий шепот внутри ее черепа запел голосом надежды – веры в то, что восьмое отделение действительно сможет пережить этот кошмар. Гвардейцы удерживали бастион «Бета-3» – это приземистое грубое строение, которое и без того пострадало от атаки колдуна. Опорные балки форта изогнулись под

странными углами, поверхность проржавела, а потолок истекал неестественными жидкостями. Каданцы каким-то непостижимым образом отбивались от демонов с помощью уцелевших тяжелых орудий, лазвинтовок и дробовиков, стараясь выиграть еще немного времени для отхода кастаняна, который отступал к внешней стене.

У Янсон не было иллюзий – она добровольно предложила свой отряд для исполнения этой самоубийственной задачи. Внутри бастиона уже лежал мертвый Ирван, раздавленный упавшей балкой. Почерневшие кости несчастных, находившихся слишком близко к бойницам, когда их атаковал колдун, были доказательством чудовищной мощи врага.

Гвардейцы продолжали сражаться, но им не удавалось остановить орду демонов. По крайней мере, у каданцев вышло пробить брешь в рядах чудовищ и ненадолго задержать их. Этого было достаточно, чтобы в душах солдат зародилась надежда.

Но сейчас, глядя на эту мерзость, Янсон вновь потеряла её. Она вознесла молитву Императору, умоляя, чтобы в момент ее смерти Повелитель Человечества не дал демонам разорвать сержанта на части или сожрать ее заживо, но даже эта молитва казалась безнадежной.

Глядя в бойницу, Янсон продолжала стрелять, как и остальные бойцы восьмого отделения, обрушивая потоки лазерного огня на демона колоссальных размеров, что неуклюже двигался к бастиону. Само существование этой гнилой твари сводило сержанта с ума.

Внутри возрастало желание бросить оружие.

Но Янсон продолжала стрелять. Вит пытался оживить одно из проржавевших тяжелых орудий. Он обрадовался, когда зараза, испущенная колдуном, отступила. Снаряд вылетел из ствола пушки, разрывая плоть гигантского демона, смотрящего на них сверху вниз.

Выстрел врезался в тварь с такой силой, что дрожь детонации ударила по всему бастиону. Ключья прогорклой плоти вылетели из тела исполина.

Им удалось ранить его.

Эту тварь возможно победить, но осталась ли еще надежда?..

Демон не упал и даже не покачнулся под атаками восьмого отделения.

Он рассмеялся.

Звук достиг ушей Роул – отвратительное, самодовольное и лишённое радости бульканье. Когда тяжелое орудие вырвало куски из тела чудовища, а лазганы восьмого отделения опалили кожу, тварь пошатнулась. Ее раздутое, непристойное тело задрожало.

Словно бы вся огневая мощь бастиона лишь щекотала его.

«Черт бы тебя побрал!», – подумала Янсон. – «Как ты смеешь смеяться, когда мы боремся за свои жизни?».

Зверь замолчал. Он разверз пасть и изрыгнул на бастион поток желчи. Это был ливень пылающих нечистот, и Янсон едва успела осознать всю мерзость этой жидкости. Изливаясь на форт, отравя проникала через бойницы и сквозь каждую трещину в разрушенном здании.

Поток хлынул на сержанта. Ее кожа загорелась.

Гниение начало поглощать тело Янсон, а потом она перестала что-либо чувствовать.

Орудия бастиона «Бета-3» смолкли. Ни Роул, ни Блакову не нужно было проверять вокс, чтобы понять – все члены восьмого отделения мертвы. Никто из смертных не смог бы пережить контакт с столь мерзкой тварью, не имея благословения варпа.

Форт на вершине холма начал разрушаться. Стены, уже поврежденные атаками колдуна, рассыпались на части. Обильный поток желчи демона растворял все, что могло быть растворено.

Чудовищный демон даже не взглянул на созданные им разрушения. Стоя высоко на вершине холма, он развернулся лицом к внешней стене, где собрались Блаков и выжившие из 39-го полка, и осмотрел пустошь. Роул ожидала, что монстр, даже не потрудившись сделать шаг вперед, изрыгнет поток рвоты, который преодолеет расстояние до внешней стены и утопит их всех в разлагающей всё и вся субстанции.

Тварь раскрыла пасть.

Вместо потоков рвоты она издала мерзкий и дребезжащий крик, от которого у Роул заложило уши. Повелитель демонов, пронзительно вереща, высоко вскинул над головой меч и потряс им в воздухе.

Слова – если произносимые гортанные звуки и были языком – было не разобрать, но несмотря на всю свою мерзость, характер криков и жестов был легко узнаваем.

Боевой клич. Призыв к оружию.

Армия демонов нацелилась на 39-й Каданский полк.

Роул слышала, как недалеко от нее один из гвардейцев начал умолять Императора о прощении. Другой же изрек откровенную ересь, призывая гигантского демона поглотить его целиком.

Чавария выстрелил в паникера, но лишь ранил. Мужчина, упав на землю и закатив глаза, продолжал извергать непристойности. Кто-то попытался перекрыть эту ересь, начав ругаться на упавшего, пока Чавария не подошел и не выстрелил сумасшедшему прямоком в затылок.

Со всех сторон слышался плач и стоны. Люди качали головами и бормотали молитвы, но больше не было слышно никакой ереси. Чавария прохаживался вдоль внешней стены и размахивал пистолетом,

недвусмысленно призывая произнести хоть одно богохульное слово в его присутствии.

Тогда Роул заметила, как дрожит рука комиссара.

Боевой клич Великого Нечистого эхом отразился от внешней стены Феллгарда. Последние уцелевшие из 39-го полка добежали до траншеи за оборонительными сооружениями, но ряды солдат сотрясало сомнение. Да, они были кадианцами, рожденными под сиянием Ока Ужаса, но сейчас им пришлось столкнуться с демоническими силами, и это выходило за пределы их понимания. Само присутствие этих существ ослабляло волю и расшатывало рассудок.

Чавария знал, что чувствуют солдаты. Каждый раз, глядя на этих тварей, он испытывал едва преодолимое желание сбежать или же покончить с собой, лишь бы не оставаться лицом к лицу с этим адом. Убирая пистолет в кобуру, комиссар вдруг заметил, что его рука дрожит.

Чавария обуздал разбушевавшиеся нервы и заставил дрожь прекратиться. У него не было такой роскоши, как страх или сомнение – ему полагалось изгонять эти чувства из окружающих его мужчин и женщин. Пока гвардейцы готовили баррикады для обороны внешней стены от скорого нападения демонов, Чавария вновь достал оружие и начал ходить среди бойцов, выкрикивая угрозы и оскорбления. Он пытался отыскать глазами любого, кто попытается покинуть свой пост и убежать за Стену Мучеников, чтобы затеряться в пустошах за пределами Феллгарда.

Обходя укрепления, Чавария продолжал наблюдать за командиром 39-го. Именно сейчас Блаков должен сломаться – комиссар был в этом уверен. Битва с еретиками обернулась большими потерями, превратившись в

полномасштабное вторжение демонов. Эго кастеляна Блакова, несомненно, сломалось перед лицом ужасного факта – он был не легендарным воином, а всего лишь песчинкой во вселенной, наполненной ужасами, подобными этому колоссальному демону.

Если Блаков проявит малейший признак трусости или слабости, Чавария отстранит его и передаст командование Роул. Она твердой рукой приведет их к победе – или, по крайней мере, к достойной и организованной смерти.

«Открой же мне, из чего ты сделан, Блаков», – думал Чавария. – «Сломайся перед этими израненными, потрясенными солдатами и покажи, что ты недостойн вести их. И я покончу с этим прямо сейчас».

Блаков казался растерянным, когда спустился с баррикад и начал искать что-то в стене из священных костей. Чавария плавно расстегнул застёжку на кобуре, готовый вытащить пистолет...

Кастелян нашел то, что искал. Массивный офицер вытянул левую руку и упал на колени. Чавария же застыл в шоке, а его рука зависла над рукоятью пистолета в кобуре.

То, что искал Блаков, оказалось черепом, врезанным в Стену Мучеников – черепом с символом Экклезиархии, выгравированным на лбу. Кастелян коснулся священного праха двумя сокрытыми в перчатке пальцами, упал на колени и начал произносить слова. Офицер шептал, но Чавария, Роул и еще несколько гвардейцев стояли достаточно близко, чтобы расслышать его. Сам комиссар не был кадианцем, однако он долгое время сражался с ними бок о бок и понял, что Блаков бормочет старую и очень распространенную кадианскую молитву.

Слова ее были просты и незамысловаты – мольба к Императору о защите, о мужестве и о стойкости. Просьба о силе, дабы продолжить сражаться во имя Его и не дрогнуть под взглядом самого ада...

Эту молитву знал каждый человек, рожденный вблизи Ока Ужаса. Услышав, что произносит Блаков, полковой священник Вурч – еще недавно дрожащая развалина, которую спас Чавария – начал громко повторять молитву, чтобы другие гвардейцы могли ее услышать.

Шепот Блакова был хриплым и неестественным, но голос Вурча звучал чисто и мелодично, вонзая начало каждой строчки так, что молитва звучала, словно бы гимн. Медленная и преисполненная смысла песнь, что выражала страхи и надежды каждого кадианца, распаляя внутри гвардейцев желание служить во имя Императора и не поддаваться ужасам, с которыми столкнулись солдаты.

Вурч произносил нараспев слова молитвы и гвардейцы начали присоединяться к нему – сначала тихо, а затем все громче. Каждая строка псалома облетела всю внешнюю стену Феллгарда – ее повторяли подразделениями и отрядами, объединяя всех кадианцев в вере и преданности общему делу.

Чавария знал о верности. Он верил в Императора и в дело Повелителя Человечества, которому они служили, но в то же время оставался прагматиком, у которого не было времени на пустые ритуалы.

Однако же комиссар обнаружил, что бормочет слова псалома вместе со всеми. Повторяя смиренные мольбы Императору, Чавария застегнул кобуру и убрал руку с пистолета. Блаков все еще стоял в молитвенной позе, опустив голову и будто не замечая, что кто-то повторяет за ним священные слова.

Закончив, Блаков встал, убрал руки от стены и открыл глаза. Он отдал приказ – всего два слова, преисполненных духовной уверенности:

– Будьте готовы.

Каданцы заняли огневые позиции вдоль баррикад у внешней стены Феллгарда – укреплений, построенных из костей мучеников, как и стена позади солдат. Отчасти для защиты, отчасти как священные реликвии, эти фортификации тяжким трудом были возведены в святилище Надежды Арабеллы – над каждой костью произносилась молитва, прежде чем ее старательно замуровывали в стене.

Чавария не испытывал сентиментальности по отношению к праху мертвых, но все же молил, чтобы они защитили его сейчас, пусть эти слова и звучали лишь в его в голове. Он стоял за костяной баррикадой и надеялся, что мученики-воины прошлого благосклонно отнесутся к комиссару, который жестоко расправился со многими из их рода.

Небо оставалось темным. Демоны неумолимо приближались к внешней стене, маршируя в тени гигантского монстра. Гвардейцы открыли огонь, как только твари оказались в пределах дальности выстрела.

Враги казались скорее мертвыми, чем живыми: разлагающиеся существа с обнаженными внутренностями. Чавария и гвардейцы стреляли по ним, и лазерные лучи прорезали мягкие, гниющие тела, воспламеняя желтую плоть. Залпы солдат замедляли тварей, но не останавливали – лишь массированный огонь мог сразить их окончательно.

Демоны были не одни: горстка культистов, переживших отбор, бежала между чудовищами, укрываясь за их тушами и стреляя по позициям каданцев. В этот момент Великий Нечистый исторг на волю меньших, похожих на споры, тварей из грязи. Они начали бегать по земле, широко раскрывая пасти с гнилыми зубами.

Демоны падали под концентрированным огнем. Двух или трех точных попаданий лазера оказывалось достаточно, чтобы прожечь то, что у этих мерзких тварей считалось сердцем. Получив такие раны, монстры распадались – их власть над миром смертных была нарушена.

Несколько небольших побед вызвали приглушенное ликование в рядах солдат и Чавария утешился фактом того, что демоны могут быть отправлены обратно в варп.

Это означало, что Келторн не безнадежно погряз в скверне.

Впрочем, одиночные победы не давали ответа на главный вопрос – а как, собственно, им одолеть самого большого своего врага? Не потревоженная ничем, кроме случайных лазерных попаданий, зловонная башня гнилой плоти продолжала грохотать позади наступающих демонических орд. Великий Нечистый вырывал из земли трупы людей и бросал их в направлении внешней стены. Пока части тел летели по воздуху, они впитывали в себя болезни и мор, а падая на землю, взрывались роями мух и личинок.

Развращенные силой Великого Нечистого, павшие на поле боя превратились в чумные гранаты.

Одна из таких «гранат» приземлилась рядом с позицией Чаварии. Он едва успел отскочить в сторону, прежде чем мухи набросились на кадианцев. Гвардейцы вопили, их кожа чернела, а насекомые прогрызали плоть. Сбитый с ног ударной волной, комиссар пополз на спине прочь от роя. Кадианцы, охваченные насекомыми, безмолвно тянули руки, ища помощи, а их забитые мухами рты кривились в немой просьбе.

Комиссар не мог им помочь. У Чаварии оставалось несколько секунд, чтобы спастись самому. Пожирающий мертвых солдат рой вскоре примется и за него. Негнущимися от страха руками он вытащил из-за пояса зажигательную гранату и метнул ее в массу жирных черных насекомых, а затем тут же перекатился на живот. Чавария не успел отползти из зоны поражения: поток жара пронесся над его головой, опалив форму, но не достиг плоти. Комиссар перевернулся на спину и увидел, как над землей разлетаются пылинки пепла. Нигде не было видно мух. В грязи лежали лишь

почерневшие кости – все, что осталось от отряда, пораженного чумной гранатой.

Чавария едва поднялся на ноги, когда гигантский демон вновь заговорил. Его слова были неразборчивыми, как и в прошлый раз, но Чаварии хотелось заплакать от ужаса и этого кошмарного булькающего гортанного языка. Смысл, стоящий за отданным приказом, был ясен, если не сказать точным.

Атаковать и уничтожить.

Демоны откликнулись на зов и устремились к внутренней части Стены Мучеников. Чавария физически ощутил панику, что охватила солдат. Он, Роул и Блаков начали перекрикивать друг друга, пытаясь удержать 39-й полк на позиции и подавить любую мысль о бегстве.

Демоны почти растерзали их. Подняв клинки и выставив вперед когти, они врезались в баррикады, намереваясь таранить укрепления и добраться до солдат 39-го полка...

... Но они остановились. Соприкоснувшись с благословенной стеной, твари отступили назад. Их кожа запылала в местах, где она соприкоснулась с костями мучеников.

В этот момент слабости врага, в те драгоценные несколько секунд, когда демоны оказались уязвимы, Блаков, его лейтенант и комиссар действовали, как одно целое. Подталкивая полк вперед и подняв лазганы, они вместе с гвардейцами разорвали ослабленную первую линию атакующих на куски. Ярость Кадии, подпитываемая силой веры и присутствием мучеников, чьи души пробивались сквозь стены из костей, стремясь защитить бойцов, опрокинула демонов назад.

Чавария не успел осознать весь свой шок от проявления столь чистого света Императора и его последователей, испепеляющих разложение и зло, как оказался за баррикадой. Он подавал пример гвардейцам, стреляя по

демонам вокруг. Роул была рядом и вела огонь из лазгана. Меч Блакова потрескивал силовым полем. Он отсекал ближайшему демону руку, и отродье отскочило назад, разбрызгивая из раны вонючий иxor.

Успех контратаки длился недолго. Было невозможно полностью добить тварей, несмотря на Стену Мучеников позади. Великий Нечистый начал выкрикивать что-то похожее на оскорбления в сторону меньших демонов, что сустились вокруг его ног, словно дети, подталкивая некоторых из них вперед жесткими ударами своих конечностей. Постепенно орда вернулась к атаке.

Демоны вновь устремились к стене.

Каданцы оказались в меньшинстве, несмотря на истребление десятков тварей в первой волне нападавших. Воспользовавшись кратковременным преимуществом, 39-й полк частично рассредоточился за пределами безопасных баррикад.

Бойня разверзлась всего лишь за нескольких секунд. Демоны набросились на каданцев, выставив вперед клинки и когти. Они рубили гвардейцев, и раны на телах солдат тут же начинали гноиться.

– Сосредоточить огонь, оставаться на позициях! – приказал Блаков по воксу, потрескивающему из-за жутких помех, в которых слышались мучительные вопли. *– Удерживать их подальше от баррикады, не отступать и держаться вместе!*

Чавария и Роул обнаружили, что следуют за Блаковым. Рядом бежал Вурч и пара гвардейцев. Вместе они сконцентрировали огонь лазерных винтовок на приближающихся демонах, оттесняя их назад и даже ранив одного. Комиссар увидел бегущего впереди Блакова – тот возглавил атаку примерно полудюжины каданцев. Гвардейцы окружили кастеляна, выпуская залпы лазганов.

Продолжая наступать, Блаков спасал жизни некоторым из гвардейцев, что встречались на его пути, но этого было недостаточно. Землю усеивали выпотрошенные кadianцы, а их раны стремительно загнаивались. Зараза и болезнь расползались по коже солдат лишь от одного соприкосновения с врагами – другие же умирали быстро, лишившись головы после единственного взмаха проклятого клинка.

«Это поистине величайший последний бой», – подумал Чавария. – «Но все же последний».

Комиссар надеялся, что более никто не ступит на Келторн и не столкнется с этим ужасом после их гибели. Он желал, чтобы Инквизиция приказала очистить мир через Экстерминатус, а все демоны были приговорены к забвению в один ослепительный момент праведного разрушения.

В этом последнем сражении Блаков сплотил солдат. В его словах или жестах не чувствовалось ни тени сомнения, и теперь Чавария видел, что кастелян был тем самым лидером, который был столь нужен 39-му в этот час. Блаков сплотил их верой и фанатизмом, когда все надежды были утеряны. Не требовался ни реалист, ни стратег – им нужен был Блаков.

Да, может он и сумасшедший, но в этот Час Ада он стал более чем подходящим сумасшедшим.

Осознав это, Чавария вновь взглянул на кастеляна и увидел, что Блаков потерял двоих или троих солдат из сопровождающего его отряда, и теперь был окружен атакующими демонами. Развернувшись, офицер принял дуэльную стойку и принялся отсекал тварям конечности, держась вне зоны их досягаемости.

Колоссальный демон издал рев, и окружившие Блакова твари немного отступили. Владыка чудовищ начал приближаться, вытянув руку и указывая большим пальцем на кастеляна. Его маленькие, глубоко посаженные глазки,

едва видимые на гротескном лице, светились ненавистью к офицеру. Узрел ли он в нем угрозу или же презирал смертного, который осмелился бросить ему вызов и, собрав войска, дал отпор?..

По какой-то неведомой причине чудовище намеревалось лично разделаться с Блаковым. Оно приближалось к кастеляну, отбрасывая в стороны своих демонических последователей и игнорируя кадианцев, стреляющих из лазганов по телу исполина в тщетной попытке защитить своего командира.

Их усилия были напрасны. Гигантский демон не потрудился и отмахнуться от выстрелов. Игнорируя ожоги на больной коже, он продолжал приближаться к Блакову и горстке выживших солдат вокруг кастеляна.

Кастелян Блаков не дрогнул, когда к нему приблизилась эта мерзость. Внутри него нарастало гнетущее желание упасть на колени или бежать, но офицер подавил нечестивые порывы и остался на месте. Он был кадианцем, рожденным в свете Ока Ужаса, и эта оскорбляющая свет Императора тварь не заставит его колебаться. Меньшие, похожие на споры, демоны сновали в тени огромного зверя, но Блаков позволил нацелиться на них окружавшим его солдатам, а сам держал взгляд на возвышающемся демоне.

Как только монстр приблизился, Блаков увидел, что исполин, во много раз превосходивший его ростом, еще не успел полностью оправиться от битвы. На его плоти зияли глубокие раны, оставленные тяжелым оружием ныне окончательно разрушенного бастиона.

Возможно, тварь все-таки можно убить? Блакову пришлось поверить в это. Свет Императора сиял ярче, чем самые мерзкие чудовища, которых мог изрыгнуть варп.

Блаков начал читать ту же самую молитву, которую он произносил ранее. Он проговаривал ее едва слышно, но она разносилась по открытому вокс-каналу через прикрепленную у горла вокс-бусину. Офицер не отвернулся, когда над ним навис гигантский демон и услышал по воксу, как кадианские голоса вновь повторяют за ним псалом.

Хорошо. Его кадианцы сильны верой – они держались за Стену Мучеников и последовали за ним вперед, дабы вновь сразиться с врагом. Блаков верил, что сама Стена силой мучеников и верой тех, кто еще был жив, поддерживает его, несмотря на то, что кадианцы ушли далеко вперед по ничейной земле.

Демон поднял меч и Блаков принял оборонительную стойку. Кастелян знал, что логично избежать прямого контакта с тварью и отступить на стратегическую выгодную позицию, дабы затем нанести удар в более благоприятных обстоятельствах, но сейчас это стало бы его самым неверным шагом. Ему нужно твердо стоять на своем, подавать пример, показывать, что с демонами можно справиться.

– За Кадию и Императора! – закричал офицер и услышал, как боевой клич эхом отдался в воксе.

Меч Великого Нечистого начал опускаться вниз и Блаков осознал нечто, что потрясло его огромную веру в себя.

Он не сможет остановить удар, который вот-вот обрушится на него. Клинок демона с легкостью расколется его меч и рассечет тело.

Сейчас кастелян умрет.

Блаков не мог погибнуть сейчас, и Чавария знал это. 39-й полк нуждался в нем. Офицер был им нужен – он должен вести солдат, дабы победить это

существо и всех прочих демонов на Келторне. Кастелян был самым подходящим человеком, чтобы руководить этой битвой.

Он должен выжить, даже если Чавария умрет вместо него.

Комиссар бросился вперед в тот же момент, как понял, что попытка Блакова отразить удар обречена на провал. Оттолкнув кастеляна, он поднял свой лазпистолет. Чавария продолжал стрелять, даже когда клинок монстра вонзился в его тело. Меч демона разрубил комиссара так быстро, что тот не почувствовал боли.

Клинок вошел в его плечо, прошел диагональю по туловищу и наполовину пронзил одну из ног, прежде чем погрузился в землю. Чавария ощутил панику и страх, но всё же испытал и слабое чувство удовлетворения, когда последний выстрел попал монстру в глаз, отчего тот слегка вздрогнул.

Это рана, пусть и незначительная, принесла Чаварии истинное чувство удовлетворения. Внутри комиссара расцветала агония, его рот открылся в крике, который оборвался прежде, чем начался. Он на мгновение ощутил ту самую жгучую веру, которую испытывал и Блаков.

Абсолютную уверенность и чувство самопожертвования.

А затем сознание Чаварии в одно мучительное мгновение стерлось с лица земли мощью чудовищного демонического оружия.

Разрушительная сила Хаоса поглотила тело комиссара.

Блаков, отброшенный в сторону, думал, что умрет. Но он упал на бок и увидел, как огромный меч рассекает на две части Чаварию. Пока тело распадалось, пальцы комиссара царапали воздух и тянулись к чему-то. Его рот распахнулся в последнем крике, а глаза были пусты и широко открыты.

Как только части тела Чаварии коснулись земли, из них хлынула не кровь, а поток личинок, извивающихся в желто-черной жидкости. Из-за одного удара меча огромного демона тело комиссара мгновенно сгнило. Кожа Чаварии почернела и соскользнула со скелета, одежду разорвал рой жирных мух, а останки упали на землю. Даже кости рассыпались в прах, оставив лишь комок разлагающейся тины. Из этой кучи выплескивался наружу поток личинок и других насекомых, которые барахтались в гнилой луже, которая всего мгновение назад была комиссаром Чаварией.

Лежащий на земле Блаков понял, что выронил свой меч. Гигантский демон шагнул к нему, наступив мерзкой когтистой лапой на хлюпающие останки комиссара. Блаков, не вставая, пополз в сторону потенциального источника оружия – труп мертвого гвардейца. Офицер увидел то, что ему было нужно – оно лежало на расprostертом трупе солдата...

– Кастелян! – крикнула Роул, подбегая к гигантскому демону и одновременно стреляя из лазгана. Чудовище повернулось и замахнулось когтем, чтобы схватить Блакова.

Выстрелы Роул отскакивали от кожи демона. Рука твари раскрылась, унося старшего офицера вверх. Когда кастелян поднялся к лицу демона, лейтенант увидела, что Блаков сжимает что-то металлическое в своей руке...

Блаков даже не увидел, что именно схватил, когда демон сжал его в кулаке, но офицер не сомневался – это было что-то важное. Жизнь кастеляна была прямой линией, стрелой, пронзившей историю этого времени, чередой

сражений во имя Императора, что вели его к этому месту. Он сражался, побеждал и никогда не сомневался – даже когда опускался меч огромного демона – смерть казалась ему неизбежной. Даже сейчас, когда демон сжал его тело, кадианец не ведал сомнений. Блаков ощутил, как зловонное дыхание Великого Нечистого обжигает легкие, а грудная клетка и бедра ломаются в хватке твари.

Он не боялся смерти, когда мог избежать ее и не будет бояться теперь, когда она неминуема. Превозмогая сильную боль и борясь с ужасом, который вселил в его душу демон, Блаков посмотрел на предмет, который взял у мертвого солдата. Несмотря на агонию и неминуемую кончину, кастелян улыбнулся.

Император предвидел.

Император знал и направлял руки Блакова и гвардейцев, которые служили под его началом. Даже здесь, в конце своего пути, кастелян согрется милостью Императора.

Он сжимал в руке мелта-заряд.

Мелта-бомба была для него ключом, и когда демон поднял Блакова, дабы проглотить его целиком, кастелян с легкостью отыскал замок, к которому она подходила.

В груди Великого Нечистого зияла рваная рана.

Блаков улыбнулся, скрутил капсулю мелта-бомбы и кинул ее в отверстие на теле противника.

У него кружилась голова. Боль становилась все отдаленнее, и после долгой жизни, наполненной чувством долга и грузом собственной значимости, Блаков вдруг почувствовал себя приятно маленьким. В конце концов, он лишь крошечная часть плана Императора. Он с честью выполнил свою задачу.

«Император предвидел», – подумал офицер, прежде чем взорвалась мелта-бомба.

Кастелян Блаков исполнил свою роль.

Роул сбило с ног, когда колоссальный демон, все еще крепко державший Блакова, был поглощен расширяющимся белым облаком. Лейтенант ощутила, как раскаленная волна воздуха опалила кожу и отбросила ее лицом в горячую грязь. Рев взрыва поглотил все остальные звуки.

Грохот стих. Роул с трудом поднялась на ноги. Гигантский демон исчез, как и Блаков. Там, где они только что находились, в земле был выплавлен кратер – идеально круглая дымящаяся яма среди неровной поверхности поля боя.

Кастелян и его огромный враг полностью испарились.

Над головой Роул, проясняясь, начали обнажаться чистые участки неба. На разрушенные останки бастиона «Бета-3» упал одинокий луч света.

Кадянцы еще сражались с демонами. Лейтенант попыталась взять себя в руки и открыть огонь по тем врагам, что были поблизости. Орда тварей все еще представляла угрозу, но с исчезновением самого большого они, казалось, потеряли всякую волю к борьбе.

Одна из мерзостей метнулась к Роул, и офицер выстрелила ей прямо в голову. Лейтенант стреляла вновь и вновь, зная, что для убийства такой твари потребуется больше одного выстрела, но демон уже исчез, растворившись в варпе размытым пятном света после первого же попадания.

39-му полку предстояло нанести решительный и быстрый удар, пока демоны оставались уязвимы, но кадянцы потеряли командира, способного отдавать приказы, как и комиссара, который подбадривал их угрозами

скорого правосудия. Роул должна была действовать так же, как и в присутствии Блакова и Чаварии. В свои последние минуты они указали ей путь. Показали веру и решимость, в которых лейтенант сейчас столь нуждалась...

– *Кадянцы!* – прокричала она в вокс-бусину на шее, чтобы ее голос был слышен по всему Феллгарду и в каждом месте, где бы не находились гвардейцы 39-го полка.

Роул замолчала и облизнула пересохшие губы. Ей нужно быть решительной. Показать абсолютную уверенность.

– *Кадянцы!* – повторила она. – *Кастелян Блаков мертв, но своей жертвой он нанес ужасающий удар нашим врагам! Теперь наша очередь решительно бороться с ужасами и изгнать их из этого мира раз и навсегда! Мы уже уничтожили худших из этих демонов и еретиков – и всех остальных ждет только смерть! Вперед, кадянцы!* – приказала Роул, продолжая стрелять во врага, который продолжал рваться к Стене Мучеников. Демоны и выжившие сектанты стали уязвимы. Роул видела это. Еще многие кадянцы примут мученичество, прежде чем все закончится, но теперь лейтенант была уверена – этот день принесет им победу.

Феллгард будет отбит во имя Императора и Его свет вновь воссияет на Стене Мучеников.

В Служении и Страдании.

Отчет о Перикловом Крестовом Походе и других кампаниях славного кастеляна 39-го Кадянского Мерлен Роул...

Узрев самое худшее колдовство врага, я повела уцелевших солдат 39-го Кадианского полка на отвоевание Феллгарда. Многие враги пали, а руководители мятежных сил сгинули, но остались и другие очаги сопротивления. Нам потребовалось множество дней, чтобы полностью отвоевать город. Недели спустя прибыло подкрепление и началась зачистка, которая следует за всеми подобными кампаниями.

По причинам, которые я не могу раскрыть в своём рассказе и из-за характера нашего врага, город Феллгард был очищен пламенем. Его благословили и освятили, прежде чем вновь заселить.

Территории между внутренней и внешней стенами Феллгарда – то самое поле битвы, которое мы дважды пересекли под вражеским огнем и где происходила большая часть сражений – было изрыто. Потом сожжено, перекопано и засолено. Многие артефакты, связанные с врагом, были уничтожены либо вывезены, как токсичные отходы.

Мне удалось извлечь одну из булавок комиссара Чаварии с того места, где он пал. Она выглядела, словно реликвия тысячеклетней давности – потускневшая и почерневшая, но была цела. Полковой священник Вурч благословил сию вещь, убедившись что я смогу безопасно ее носить.

Я попыталась передать эту булавку следующему комиссару 39-го полка в знак уважения, но она сочла подобный подарок угрозой или же нелепицей, и велела оставить ее себе.

Я так и поступила. До сих пор я храню ее как напоминание, чего мы смогли достичь верой и решимостью, и как память о жертвах, необходимых для достижения победы над самым страшным из врагов.

Может показаться странным, но самое дорогое воспоминание – о Чаварии, а не о Блакове. Мне всегда казалось, что жертва Блакова не является чем-то лично моим. Кастелян был мучеником и примером для многих – несколько его обгоревших костей, извлеченных с поля боя, сохранились. В

качестве реликвии они вернулись на Кадю, а трижды благословенная копия его черепа из серебра ныне является частью феллгардской Стены Мучеников.

Все, что я переняла у Блакова, не было знаком героизма, ибо я все еще не уверена, что он был героем. Вместо этого я веду 39-й по тому примеру, что он показал мне в тот последний Час Ада.

Много раз я сомневалась в кастеляне и у меня есть множество менее чем приятных воспоминаний об этом человеке. Впрочем, в момент нашей величайшей нужды его фанатизм стал именно тем безумием, в котором мы так нуждались. Благодаря ему мы пережили все те ужасные боевые зоны, по которым мотало 39-ый с тех самых пор. Я считаю, что именно маленькая толика фанатизма Блакова, которую я ношу в себе, помогла обеспечить наши победы и выживание.

В этой вселенной, учил меня Блаков, иногда правильное безумие – лучше, чем сохранение рассудка.

+++ Выборка из секретного сообщения Инквизиции +++

Младшему пропагандисту второго класса Кельнхоферу.

Вне сомнений, рассказ кастеляна Роул о событиях десятилетней давности на Келторне во многих отношениях вдохновляет. Но обличение конфликта между офицерами 39-го Кадюанского полка и их комиссаром неприемлемо. Рядовые гвардейцы должны быть уверены, что их офицеры всегда правы. Они должны знать, что Комиссариат прав абсолютно всегда – даже если мнения комиссара и их командиров расходятся. Нельзя предавать огласке сомнения в авторитете вышестоящих, равно как и постоянные отсылки на то, что руководство Гвардии поражено безумием. Призываю запретить

*любое упоминание об этом рассказе ради сохранения порядка и
здравого смысла в Империи.*

Ваш верный слуга, старший клерк Инквизиции Менион Литл.

+++ Конец сообщения +++